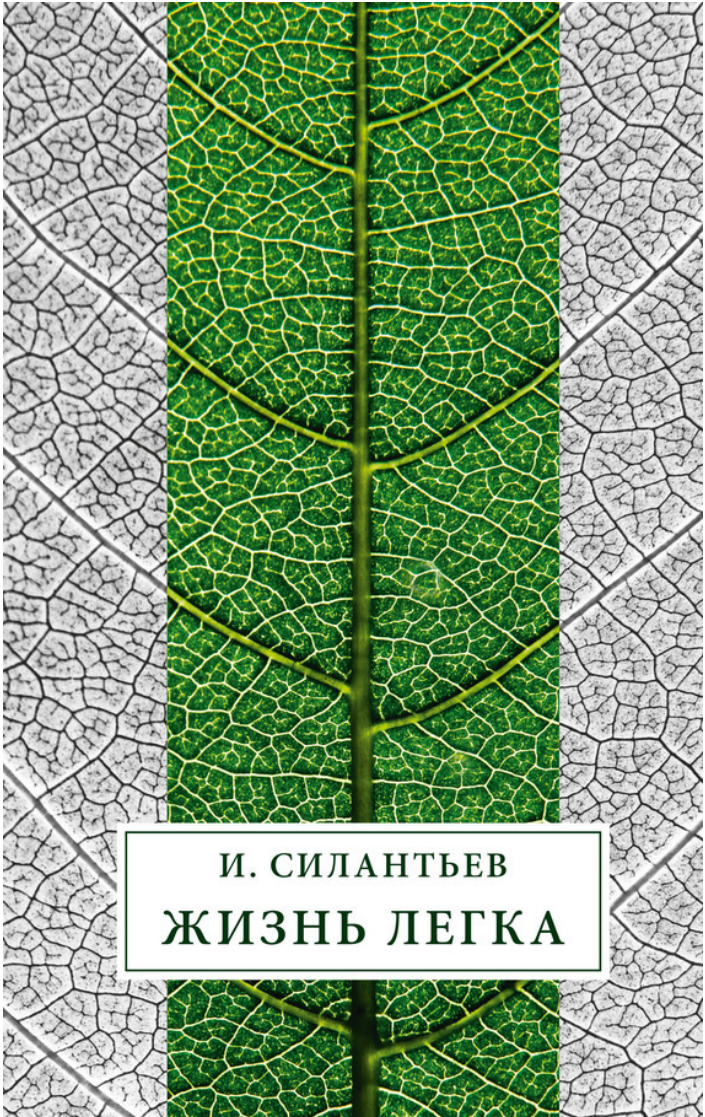

И. СИЛАНТЬЕВ

ЖИЗНЬ ЛЕГКА

Игорь Витальевич Силантьев
Жизнь легка (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26708174
Жизнь легка (сборник): Языки славянской культуры; Москва; 2015
ISBN 978-5-94457-218-9

Аннотация

«…Подоконник за немытым стеклом
Пустотою наполнен слух.
Тупичок на краю вселенной
В созвездиях сохлых мух.
Тепло, покрытое пылью
Покой, покрытый теплом.
Забытое яблоко трогает
Солнце закатным лучом…»

Содержание

Дебютная коллекция 5
«Надкушенное яблоко, и липнущий снег…» 14
«С ударяющей в лицо, кидающейся в ноги…» 16
«Божья коровка, полети на небо…» 17
«Когда я встаю на правую ногу…» 19
«Подоконник за немытым стеклом…» 21
«Так больной после горячечной ночи…» 22
«Дождь прибивает дневную пыль…» 24
«Ты стремишься стать звездой…» 25
«Когда я был маленьким…» 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Игорь Силантьев
Жизнь легка (сборник)

© И. В. Силантьев, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

* * *

Дебютная коллекция

Две основные темы находятся в центре дебютной книги Игоря Силантьева: «обыденность городского существования» и «соучастие природы в жизни человека»

Обе темы давно известны отечественной поэтической традиции Первая стала родной с XVIII столетия, вторая своими корнями уходит в фольклорную словесность Можно вспомнить немало поэтов, которые интересовались природой и городом, разводя и связывая эти два ценностно-смысловых мира в рамках целостной поэтической реальности.

Казалось бы, что нового можно добавить в эту плотную серию опытов и широкую панораму видов? Оказывается можно, что еще раз доказывает, насколько безгранично в своих возможностях художественное слово, поэтическое воображение.

Новая коллекция образов природно-городского бытия-быта, представленная в книге «Жизнь легка», интересна и поштучно, и в целом Однако нас будет больше занимать поиск типологических пределов, то есть возможность хотя бы условно обозначить какие-то близкие группы текстов, так как в масштабе небольшой вступительной заметки обо всех произведениях сказать не представляется реальным, сложно даже проанализировать два-три наиболее ярких стихотворения

В таком случае, что лучше всего выбрать в качестве типологических оснований?

Было бы любопытно обратить внимание на репертуар метрико-ритмических форм дебютной коллекции Хотя здесь даже очень въедливого критика ждет большая работа, требующая тщательности, а главное – приблизительной интерпретации обнаруженных формальных закономерностей и тенденций

Дело в том, что по своим параметрам опубликованные стихотворения принадлежат к неклассической поэзии и, еще точнее, к тому экспериментальному направлению, которое авторитетными стиховедами определяется как «гетероморф-ный», «неупорядочный» стих (Ю Б Орлицкий) Непредсказуемость новой поэзии проявляется в отсутствии классических норм и привычных принципов стихообразования (метрики, рифмики, строфики и т п) Справедливости ради заметим, что в отдельных текстах И Силантьева кое-что из багажа классической поэзии используется Например, встречаются произведения, сплошь или хотя бы частично зарифмованные; многие тексты катастрофично-астрофичны, но есть и такие, в которых содержится не только тонкий намек на строфы, но и их структурная отчетливость; при определенном старании можно вычислить и любимые метрические каркасы, на которые ориентировано большинство произведений (тактовик, акцентный стих и верлибр)

Если досуг позволяет, а интересы статистики представля-

ются сверхважными, то можно посчитать анакрузы, цезуры и клаузулы, вывести некие устойчивые показатели по всему сборнику, по отдельным произведениям и по ключевым позициям текста Например, любопытства ради, можно сосредоточиться на стиховых строчках, укладывающихся в формулу «мужская анакруза – мужская клаузула», которые отличаются от других типов строк некоторой самоисчерпанностью, отрешенностью, упругостью

Одним словом, метрико-ритмический критерий предоставляет исследователю широкое поле, но в какой степени необходимо применение тяжелой артиллерии современного стиховедения по отношению к дебютной книге? Не лучше ли в данном случае сосредоточиться исключительно на содержательно-смысловых моментах Хотя и здесь необходимо найти верную точку типологического отсчета

Скажем, если основной интерес видится в художественном мире, следует остановиться на образных решениях по отношению к таким категориям, как пространство и время Если же акцентируется образ человека, который осмысляется поэтикой как организующий центр поэтической реальности, то предстоит обязательно определить уникальность лирического героя (или лирического субъекта в целом) Этот список смысловых аспектов лирического произведения можно продолжать до бесконечности, но, в конечном счете, все пути ведут к образу Именно типология художественного образа и может стать основой типологического расклада

предложенной коллекции

Несмотря на то, что традиционной минимальной единицей словесно-художественного творчества считается литературное произведение, а следовательно, представление о том или ином авторе формируется на основе анализа и интерпретации отдельных его текстов, мы склонны полагать, что существуют единицы, находящиеся «ниже» текста Главной среди них действительно является образ Понятый в культурно-исторической и типологической специфике, он представлен четырьмя основными разновидностями: мифом – тропом – предметным словом – символом (С Н Бройтман) В каком-то смысле лирическое высказывание вырастает из образа и в образ может быть свернуто Безусловно, любой современный автор может использовать всю палитру образных языков, но все-таки нельзя долго сидеть сразу на четырех стульях: доминантный образный код является ключом авторского творчества, а читателю стоит из связки ключей выбрать тот, которым художественный мир открывается

Если попытаться выстроить иерархию ключевых кодов поэзии И Силантьева, то получается по нарастающей и приближающей нас к точности следующая картина: голое предметное слово – троп – символ – миф Это означает, что основ ная интенция автора состоит в создании и презентации своего уникального творческого мифа, в круге которого, как известно, возможно все, потому что это все уже существует как единственная реальность!

Далеко неслучайно, что в текстах сборника не конкретизируются пространственные и временные свойства изображаемого Так, о времени гораздо чаще сообщается через «сегодня», «вчера», «ночью», «утром» или «весной», «осенью», «зимой», «в июле» Единственный раз в книге промелькнули «Ярославль» и станция «Зяблики» – кажется, вот она, конкретность пространственного вида происходящего Однако здесь вновь важна не столько топография и география предметного слова, а мифосемантический ореол используемых имен: ярая (солнечная, жаркая, сильная) слава, и здесь же – зябнуть, зябь, зябко, и так часто используемые автором орнитологические мотивы «полета» и сближение человека с птицей В результате мы вновь попадаем в плотные слои индивидуального творческого мифа

Вообще хочется заметить, что далеко не всякий стихотворец обязан и даже способен в первой книге выступить с мифом, это избыточная задача для дебютанта В то же время не следует забывать о том, что миф удобен, так как его высокие и толстые стены, отгораживающие автора от реального мира, способны защитить неофита от возможной агрессии критиков и любопытства обывателей

Полуконкретность пространства и времени влияет на образ человека, способы его воплощения и принципы повествования о нем В лирике часто бывает достаточно сложно провести границу между автором и его героем За каждым грамматическим «Я» принято мгновенно узнавать в худ-

шем случае автора, в среднем – персонажа, так называемого «лирического героя» Необходимо постоянно помнить: герой принадлежит к тому, что можно назвать реальной жизнью, он аналог человека Его удел – страдать, действовать, мечтать, вспоминать, одним словом, жить! Автор находится совсем в другой дей ствительности – в сфере вымысла, воображения, слова, его задача изобразить всю эту череду состояний, эмоций, поступков и событий, создать их образы Именно поэтому автор и герой, по Бахтину, не могут встретиться в тексте Наивно связывать их в одно целое – не понимать саму суть словесного искусства

В стихотворениях И. Силантьева образ человека лишен многих свойств, качеств и характеристик Совершенно уверенно можно сказать, что перед нами герой, а не героиня Кажется, он все-таки горожанин; наш современник; вроде бы, он не сильно молод и не очень стар; похоже, занимается интеллектуальной работой, так как имеет много свободного времени Да, еще: у него есть жена, с которой он уже четверть века (а вот детей вроде бы нет) Весь перечень деталей, всплывающих вокруг героя, создает образ социально усредненного «я», что лишний раз подтверждает ориентацию образа не на предметное, а на мифологическое.

В мифе возможно все, он устанавливает особое состояние, кроме того, здесь все как бы перетекает во все на основе сопричастности Наверное, благодаря этому единственным законом такой мифопоэтической реальности становит-

ся закон непрерывного превращения, постоянных метаморфоз Земля может легко оказаться вверху, небо – внизу, живое легко смешивается с неживым, предметное с нематериальным, природное с духовным

Например, можно из папиросной (то есть очень тонкой) бумаги сделать радугу, а потом пойти по ней, превратившись в охотника на солнце (!); или соорудить из разных предметов со свалки конструкцию-подобие человека, стать им и уйти-взлететь высоко, в надежде встретиться с Богом; или, припадая к Земле, прорастать в нее всем своим существом и пр

Возвращаясь к двухтемью сборника, отметим, что миф творческих метаморфоз охватывает одновременно город и природу, но именно природное становится основой ми-фо-поэтического образа Городская обыденность ощущается и пере живается героем как муторная, привычная, тошнотворная, внесобытийная Однако вымученность городом и желание его (и ее) избыть открывает саму суть жизнебы-тия, причем здесь же, рядом Стоит только закрыть глаза и открыть их, попытаться, замирая в созерцании, увидеть иную ипостась привычного Например, жука синего космического цвета, ползущего по уродливой городской клумбе (резиновому ободу колеса); паучка, пытающегося поймать в свою паутину солнце; гусеницу, затаившуюся на травинке в дождливый день; можно даже заметить, что цветок ромашки состоит из трех створок

Весь круг созерцаний природного и контекст подмеченного меньше всего располагает поэзию И Силантьева по разряду пейзажной лирики Скорее всего, мы имеем дело с тем родом поэтического творчества, который размещается на переходе от натурфилософской к метафизической художественной идеологии В отличие от героя, автор не акварелист (вообще его эпитеты играют не колористическую роль), не естествоиспытатель или юннат (здесь созерцание максимально очищено от прикладного нюха – просто наблюдения), не метафизик, так сказать, уходящий от естественной природы в природу духовную, не мистик и не аскет Он мифограф, а не мифолог, или по-простому – коллекционер забытого, а для многих бесполезного

Любопытно, что поэтическая мифографика не исключает, а предполагает в качестве фона использование и других видов образности В частности, известную любовь к тропам и фигурам, умение неожиданно из самой сути художества выйти в риторику, с одной стороны, а с другой – достаточно умеренное введение в произведения символической образности, прорастающей иногда из текста в текст

Итак, закрывая книгу стихотворений И. Силантьева и возвращаясь к ее названию, мы можем уточнить, в каком смысле стоит понимать это манящее «Жизнь легка» Оказывается, в самом простом, прямом и естественном: она легка, потому что она мифична, а все внешние так называемые «блага», «проки», «пользы» и пр – это уже не жизнь и не дело поэта!

Хочется пожелать этой книге интересной (легкой) жизни, внимательных и чутких читателей

Владимир Максимов

«Надкушенное яблоко, и липнущий снег…»

Надкушенное яблоко, и липнущий снег,
И треснувшая губа, и вкус крови некстати.
А в прыгающей по наледи пустой бутылке
Свистит не ветер – само безразличие.
И замерзший таджик, обнимая лопату,
Провожает чужим покорным взглядом
Безгласный и зверский исход горожан
В утреннее изголодавшееся метро.
А ты стоишь у перекрестка на красный.
На краю пропасти, на краю времени.
И на зеленый нелепо отступаешь назад,
Не в силах шагнуть и пропасть в безвременье.
И яблоко падает в истоптанный снег
Прямо к ногам потустороннего таджика.
Поднять его? Мимо пройти? Улыбнуться?
Но опять губа, и некстати вкус крови!
И ты почти не существуешь в этом мире,
Но поднимаешь глаза и на миг встречаешь
Чужой и покорный взгляд А бутылка
Отчаянно бренчит под ногами прохожих.
А в сердце, или где-то глубже, отчаянно
Бьется надежда хоть что-то исправить
И поднять яблоко И стать по ту сторону.

Бесплотным ангелом Рядом с таджиком.

«С ударяющей в лицо, кидающейся в ноги…»

С ударяющей в лицо, кидающейся в ноги
Метелью, что в глухую февральскую полночь
Заволакивает безмолвные пределы земные,
Заполняет, забеляет притихшую душу,
С безумным присвистом заблудшего ветра,
Хлопающего разорванной ветошью по окнам,
Пробирающегося в углы остывшего дома,
Пробирающего холодом до острой дрожи, –
Неуют… С метелью, с ветром, с тревогой,
С желанием запрятаться под три одеяла,
Потеряться в темном и душном чреве,
Стать снова существом еще не рожденным.
Да пустое все это! И спустя мгновенье
Накатывает голод и жажда смысла,
Воздуха из распахнутого окна, воли,
Настежь распахнутой безоглядной жизни!
И громыхает уставшая от бури крыша.
И уставшее небо ничего не слышит.
И дышит свечным огоньком на сердце
Надежда на скорый рассвет И верится
В правду с простым счастливым лицом.
В сказку с простым счастливым концом.

«Божья коровка, полети на небо…»

Божья коровка, полети на небо,
Попроси у солнца три огонька.
Первым согреюсь, вторым заискрюсь,
А третьим в костре разгорюсь.

Божья коровка, полети на небо,
Попроси у дождя три глотка.
Первым умоюсь, вторым напьюсь,
А третьим к корням просочусь.

Божья коровка, полети на небо,
Попроси у облака три снежка.
Первый рассыплю, вторым застужусь,
А третьим от смерти отмахнусь.

Божья коровка, полети на небо,
Попроси у судьбы три силка.
Первый распутаю, о второй споткнусь,
А в третий нечаянно попадусь.

Божья коровка, полети на небо,
Попроси у ветра три вьюжка.
Первым взвеюсь, вторым закружусь,
А третьим к воле поднимусь.

«Когда я встаю на правую ногу…»

Когда я встаю на правую ногу,
Я в трепете глотаю ветер
И готов сорваться с планеты
По касательной за горизонт.
Прыжками к звездным полям.

Когда я встаю на левую ногу,
Я вырастаю бобовым стеблем.
И волшебная пена облаков
Смывает с моих глаз пелену.
Я вижу солнце насквозь.

Когда я сажусь на корточки,
Слетаются стаи воробьев.
Они затевают бои и свадьбы
И лепят у меня за шиворотом
Колкие ложа любви.

Когда я ложусь на левый бок,
Я стучу испуганным сердцем
В наглухо запертые недра.
И отвечаю скрипом зубов
На скрежет подземных скал.

Я поворачиваюсь на правый бок
Травинки лезут мне в ноздри.
Отряды муравьев на марше
Окружают неведомый ковчег.
Я закрываю руками лицо.

Я поднимаюсь с земли на колени.
Тело сжимаю в комок
Встречаю ясность и страх.
Становлюсь собой, человеком.
Простым, затертым, одним

Объевшимся дешевой колбасы.
Обсмотревшимся телевизора.
Боящимся киношных злодеев.
Украдкой верящим в какого-то
Неназванного доброго бога.

Я встаю на нетвердые ноги.
Голова еще ходит по кругу.
Я прошу тебя, откройся мне,
Безымянный и добрый бог!
Светлое небо молчит.

«Подоконник за немытым стеклом…»

Подоконник за немытым стеклом
Пустотою наполнен слух.
Тупичок на краю вселенной
В созвездиях сохлых мух.

Тепло, покрытое пылью
Покой, покрытый теплом.
Забытое яблоко трогает
Солнце закатным лучом.

Мне не нужно лишнего счастья.
Моя воля проста как вода –
Остаться капелькой света
На коже зреющего плода.

«Так больной после горячечной ночи…»

Так больной после горячечной ночи,
Принимая необходимость рассвета,
Выпивает залпом стакан воды
И тянется к дремлющему окну.

Так переживший морозы голубь,
Припадая на увечную лапу,
Бежит к брошенному в весеннюю грязь
Горькому дармовому зерну.

Так порывами налетает ненастье,
Изгоняя уставшее лето
И первые нервные капли дождя
Разбивают дорожную пыль.

Так ко мне, так к закатному небу
Приходит завершающая ясность
И звезды прокалывают черную синеву
И память прокалывает иглой.

И сквозь вставшие года я вижу
Мальчишку, бегущего по полю
С пучком горячих ветров в руке

Господи, как хочется жить.

«Дождь прибивает дневную пыль…»

Дождь прибивает дневную пыль.
Но как только немного подсохнет,
Пылью пахнет снова и резко,
Как пахнет старым потом
Нестиранная рубашка, забытая на даче
И ты распахиваешь окно
И с оконной рамы летит трухой
Краска, потерявшая цвет.
Но свежести нет все равно И нет
Уверенности, что это не сон.
И ты напрасно пытаешься вспомнить,
Как приходит усталый закат.
Да, именно так и бывает во сне,
Когда забываешь привычное.
Вечерний свет Дорогу домой
И даже любимое лицо
А дождь по крыше снова стучит.
И воздух становится чист.
И солнце, являя закатный лик,
Измокший сжигает лист.

«Ты стремишься стать звездой…»

Ты стремишься стать звездой,
Выстрелом, громом, горой
И даже гулом землетрясения
Но твой выбор бьет мимо цели.
Я попробую тебе помочь.
Скажи, во что тебя превратить?
Нашел!
Ты будешь превращен в собачью лапу.
Ты будешь приобщен к чудесному организму,
Бегающему, пыхтящему, лающему, грызущему,
Заглядывающему в глаза и кусающему свой хвост.
Твои звонкие мускулы полюбят прыжки.
Тебе будут радостны преграды и ямы.
Ты будешь размашисто шлепать по лужам
И отчаянно проваливаться в снег.
А какое блаженство оказаться под крышей
И растянуться на теплом полу!
Нет!
Ты будешь превращен в часовую стрелку.
Ты будешь приобщен к чудесному механизму,
Тикающему, стучащему, спешащему, отстающему,
Дребезжащему, звенящему и будящему спящих.
Твое прямое тело будет ходить по кругу.
Тебе будут привычны долгие ночи.

Ты будешь подсматривать за жизнью людей
И смеяться над их маятой и скукой.
А какое блаженство оказаться в покое,
Когда забывают завести часы!
Простые животные и простые предметы
Вернут тебя в мир без многоточий
Но я вижу в твоих глазах вопрос
Чувствую недоумение и гнев.
Бог с тобой Оставайся звездой
Выстрелом, гулом, громом, горой.

«Когда я был маленьким…»

Когда я был маленьким,
Я любил на кухонном полу играть в солдатики.
Я расставлял их в шеренги и клинья.
Я ложился на пол, чтобы стать меньше.
Чтобы быть с ними наравне –
И немного, но по-настоящему испугаться
Их застывших суровых лиц,
Их острых копий и занесенных мечей,
Их вздыбленных коней,
Их железной неотвратимости

Я уважал их безудержную храбрость
Я даже любил их,
Как всякий настоящий воин
Любит своих врагов.
И еще мне было пронзительно жаль их.
Ведь они не понимали,
Что столкнулись с ужасным, хитрым,
Нечеловечески могущественным противником.

И по моей воле магическая сила
Сковывала нагруженные оружием тела
И не позволяла им сдвинуться с места.
Что же! Герои обреченно встречали

Мои безумные разящие удары.
Их косили ядра моих пушек.
Их осыпали стрелы моих луков.
Их сбивали с ног и дробили на части
Взмахи моей богатырской палицы.
Но они не сдавались в плен.
Они не бежали в смятении.
Они падали рядами и принимали терпкую смерть
Я был Ганнибалом и Александром Великим,
Хитрым ордынским ханом и безжалостным Тамерланом,
Школьным Суворовым и киношным Чапаевым.
Я был красным демоном войны.
И еще я был простым хулиганом,
Каких сам боялся и обходил на улице стороной.

Разгромив отважное честное войско
И распростершись над возлюбленными врагами,
Я изгонял из своего сердца демона
А вслед за ним уносился в небытие
Шлейф нарисованных картонных стратегов
Я отдавал моим воинам последнюю честь.
Я погребал их и плакал в душе
Я представлял на их месте себя.
Израненным и непонятно мертвым.
Мертвым и смертельно голодным.

А в это время бабушка,
Которой я мешал своей возней на кухне,
Всеми этими солдатиками, колесницами, пушками,

Запекала в духовке слоеный пирог.
Это было удивительно!
Пирог был горячий, живой, он был как львиное сердце
Он дышал, он вздымался как вулканическая земля
Он вовлекал в себя колдовским запахом.
И я, моментально воскреснув, хватал кусок за куском,
И забывал о своем игрушечном трауре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.